

ТИПЫ НАРОДНОГО СОЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. Г. КОРОЛЕНКО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1880 — 1890-х ГОДОВ

Л. ПИЛЬД

Изображение народных персонажей занимает в творчестве В. Короленко одно из центральных мест. Уже в начале своего творческого пути писатель обращается к показу героев из народа ("Яшка", "Чудная" — 1880, "Сон Макара" — 1883) и в это время намечает основные аспекты изображения народных типов, которые в последующем творчестве получают углубленную трактовку.

Так, например, в рассказе "Яшка" Короленко показывает "интеллектуальный" облик героя из народа, характер и формы мыслительного процесса народного персонажа. У раскольника Яшки есть своя "идея", однако смысл ее абсурден: Яшка мало разбирается в том, что происходит в действительности. Уже в этом раннем произведении Короленко во многом противостоит народнической традиции, так как показывает, что никакая "интуиция" или особенный "народный дух" не могут помочь человеку крестьянского происхождения, если его мысль не способна к развитию.

С другой стороны, в "Чудной" персонаж, принадлежащий по своему происхождению к народу, оказывается человеком с достаточно развитым этическим началом.

Таким образом, уже в первых своих произведениях Короленко противопоставляет народнической идеализации народного характера аналитическую концепцию народного сознания, делает попытку изобразить внутренний мир своих героев как довольно сложную и ценностно неоднозначную психическую структуру.

В текстах II половины 1880-х г. писатель начинает размышлять об истоках "застывания" народной мысли, причинах перемещения этического начала из подсознатель-

ного в сознание и возможностях гармонизации народной психики (объединения этического начала с интеллектуальным).

Во второй половине 80-х годов Короленко в соответствии с характером своих художественных поисков интенсивно изучает труды по современной психологии (В. Карпентер, В. Вундт, Ж. Балле и др.),¹ испытывает сильное влияние представителя психологической и социологической школы в литературоведении Георга Брандеса.² Особую актуальность для Короленко в этот период приобретают некоторые работы Н. К. Михайловского, где он говорит об открытиях последнего времени в области психологии (например, статья "Борьба за индивидуальность" — 1859, в которой говорится о различных функциях индивидуального и коллективного опыта в процессе психического развития человека).³

Короленко в своих произведениях начинает рассматривать народное сознание как некоторое психическое целое с его отдельными структурными элементами. В народном сознании писатель различает комплекс представлений, связанный с коллективным опытом, с одной стороны, и совокупность представлений индивидуального опыта — с другой.⁴

Коллективный опыт (или, как пишет Короленко, "коллективная народная мудрость") в большинстве случаев определяет поведение любого отдельного представителя крестьянской массы. Коллективный опыт, по мысли Короленко, проявляется в трех сферах: сфере познания, этической и эстетической. Во всех трех сферах коллективный опыт может реализоваться в форме неподвижных, замкнутых блоков (это те представления, которые передаются из поколения в поколение и в сознании отдельного индивида никак не изменяются). В результате образуется тип индивидуального сознания, который в ценностной иерархии, созданной в произведениях Короленко, занимает самое низкое место.

К такому типу сознания, которое сам Короленко называет "застывшим", принадлежит, например, крестьянин Гавря из "Истории моего современника"⁵ (1905—1921). В проявлениях обыденной жизни это человек крайне низкого интеллектуального развития, имеющий очень смутное представление об этике. Его внешний облик и внешний

облик его жилища не имеют даже отдаленного отношения к красоте.

Короленко показывает, как изменяется Гавря в момент совершения обряда. Это обряд торговли, и, участвуя в нем, темный крестьянин преобразуется, в его жестах, мимике, словах начинает вдруг проглядывать какая-то глубинная красота, повествователь любит его, однако затем заключает: "Впоследствии я понял, что восхищавшая меня речь принадлежала не лично Гавре Бисерову. Так встречали пришельцев целые поколения его предков... язык починовца⁶ в обычном обиходе бедный и однообразный, в таких случаях у Гаври расцветивался особым богатством и яркостью, вспыхивая совершенно неожиданными огнями".⁷

"Обряд" — это проявление "коллективной народной мудрости", коллективного народного опыта, а личность, индивидуальность Гаври этот опыт, по сути дела, не затрагивает. Опыт хранится в глубинных слоях психики, выходит на поверхность сознания в нужный момент, но это чисто автоматический процесс, в нем не участвуют воля, интеллект, эмоции отдельной личности. Непосредственные впечатления, которые получает сознание подобного типа в действительности, не включаются в процесс образования новых представлений. Психика представителя такого типа сознания предельно бедна, она как бы застыла.

Однако, как показывает Короленко, тип "застывшего" сознания чаще существует в другой его разновидности. Она отражает более высокий уровень развития индивида.

В очерке "За иконой" (1887) изображается спор крестьян-раскольников с ортодоксально-верующими крестьянами. Сознание как первых, так и вторых — сознание "застывшее". События и явления, с которыми им приходится сталкиваться, они истолковывают, исходя из некоторого устойчивого представления, гнездящегося в их психике. Легенды, которые они рассказывают, привлекают их не своей поэзией или эстетическим содержанием, а как доказательство приближения конца мира: "Ведь уж въявь для всех знамение было от бога, что нельзя ему, батюшке, больше ихнего места терпеть. Насмердело!"; "Тоже ведь и об вас было знамение".⁸ "Упадок нравов" обитателей монастыря, пьянство монахов — все это, с точки зрения раскольников, свидетельствует о близящемся страшном

события. Их сознание выбирает из тех явлений, с которыми им приходится сталкиваться, только те "непосредственные впечатления", которые легко ассоциируются с уже известным и хранящимся в глубинах сознания. В этом случае происходит некоторое подобие мыслительного процесса: отождествление увиденного с уже знакомым. Однако очевидно, что качественно нового уровня мысль здесь не приобретает. Сознание не узнает в действительности ничего нового, оперирует уже известным, а воспринимаемые непосредственные впечатления нивелирует. Мысль движется по замкнутому кругу.

Герои с таким сознанием враждебно относятся ко всему для них незнакомому и чужому. В очерке "На затмении" (1887) астрономы, наблюдающие за солнечным затмением, в глазах людей из народа оказываются предвестниками Антихриста: "На палубе идет тихий говор, кое-где читают молитвы и обсуждают признаки пришествия антихриста <...> Какой-то старик рассказывает слушателям, что в Юрьевец приехал немец-остроум и склоняет на свою сторону народ".⁹ В рассказе "Без языка" (1895) крестьянин Матвей Лозинский, попав в Америку, проявляет крайнюю нетерпимость по отношению к другому (непонятному и, следовательно, "неправильному") политическому строю, к иным социальным отношениям, иной вере.¹⁰ В примере из очерка "За иконой" народные персонажи просто не обращают внимания на то, что недоступно пониманию, они отбирают те непосредственные впечатления, которые отождествляются с их эсхатологическими представлениями. Народные персонажи очерка "На затмении" и рассказа "Без языка" не имеют такой возможности, так как непонятное и незнакомое, с их точки зрения, напрямую угрожает их существованию (астрономы приближают конец мира, а американский уклад жизни безжалостно вырывает Лозинского из привычных условий существования).

Итак, "застывшее" народное сознание характеризуется, по мысли Короленко, не только замкнутостью, неподвижностью мысли, но и этической нетерпимостью — враждебностью по отношению к иному, незнакомому объекту или явлению. "Застывшее" сознание в обеих его разновидностях — это сознание примитивное, несмотря на то, что оно основывается на "коллективной народной мудрости". Оно не предполагает развитие индивидуальности из индивида и характерно для тех народных персонажей, которые находятся в достаточно жестких условиях

"борьбы за существование". Сам характер этой "борьбы" привычен, в сходных условиях жили многие поколения (например, "борьба" за существование крестьянина проявляется в непрерывном противостоянии климатическим условиям — "За иконой"; в противостоянии людям, занимающим более высокое место в социальной иерархии — Аксен и его борьба с лесничим в очерке "В пустынных местах", 1890, и т.д).

Если народный персонаж оказывается, по воле обстоятельств, изъятым из жестких и вместе с тем привычных условий "борьбы за существование", его сознание, по мысли Короленко, трансформируется. Например, в рассказе "Река играет" (1891) предки перевозчика Тюлина, очевидно, были крестьянами, занимавшимися земледельческим трудом. Сам Тюлин к земле непосредственного отношения не имеет и практически не знает, что такое "борьба за существование" в ее социальных формах. В связи с этим в сознании Тюлина утрачивают актуальность традиционные комплексы представлений, выработанные коллективным опытом его предков. Его сознание становится открытым практически для всех "непосредственных впечатлений". Тюлин большую часть своей жизни проводит на открытом воздухе, у реки или на реке. Работу свою он выполняет или не выполняет в зависимости от настроения. Окружающая природа оказывает на него столь сильное влияние, что он буквально пропитывается всеми ее свойствами, становится как бы зеркальным отражением знакомого ему пейзажа. Пейзаж в окрестностях реки Ветлуги повествователь характеризует как "наивный и проникнутый бессознательным юмором". В пейзаже нет упорядоченности, композиции, он случаен. Все это характерно и для Тюлина, он тоже проникнут "бессознательным юмором": "... от бедняги Тюлина водкой несет, точно из полуштофа <...> "Кабы выпил я, — говорит Тюлин в раздумье, — а то не пил. <...> Давно не пью я... Положим, вчера выпил... И опять Тюлин погружается в глубокое раздумье. "Кабы много... положим, довольно я выпил вчера <...> Так ведь сегодня не пил!" — Так это у тебя, видно, с похмелья, — пробую я вывести его на настоящую дорогу. Тюлин смотрит на меня серьезно и чрезвычайно вдумчиво <...> Разве либо от этого. Нонче немного же выпил я".¹¹

В этом прерывистом монологе Тюлина очень ярко отражаются особенности его восприятия реальности. Из окру-

жающей реальности он усваивает те "непосредственные впечатления", для восприятия которых не нужны умственные усилия. "Бессознательный юмор" природы усваивается бессознательно. Вместе с тем Тюлин не может удержать в памяти происходящее. Он осознает и помнит только то, что происходит в настоящий момент. Именно потому он совершенно искренне говорит, что вчера не пил, и только потом с трудом вспоминает.

Сознание Тюлина — это такое сознание, в котором ничего не происходит. "Коллективный опыт" не актуален, индивидуальный опыт не формируется, так как непосредственные впечатления не оседают в глубине сознания. Сознание никак не оценивает то, с чем Тюлин сталкивается в действительности. В Тюлине формируется стихийная терпимость ко всему, с чем он имеет дело. К этому же типу "открытого" сознания принадлежат Иоахим из повести "Слепой музыкант" (1886 — 1898), Андрей Иванович из очерка "За иконой", Дыма из рассказа "Без языка".

В ценностной иерархии Короленко такой тип сознания занимает более высокое место, чем предыдущий, так как стихийная терпимость, присущая этим народным персонажам, создает вокруг себя атмосферу душевной свободы: "...отчего так <...> легко, так свободно на этой тихой реке, с этим стихийным, безалаберным, распущенным и вечно страждущим от похмельного недуга перевозчиком Тюлиным?" (II, 154 — 155).

Однако высокой оценки этому типу сознания Короленко все же не дает, так как этот тип (при неизменности условий, в которых он формируется) не имеет перспектив развития.

Индивидуальность в народном персонаже рождается, по мысли Короленко, в случае соприкосновения "коллективного опыта" с "личным", когда отдельные элементы "коллективной народной мудрости" приобретают для этого персонажа индивидуальный смысл. Короленко показывает, что чаще всего это происходит с теми элементами коллективного опыта, которые относятся к этической сфере "народной мудрости". Например, главные герои рассказов "Убивец" и "Федор Бесприютный" (1885) претерпевают именно такую трансформацию сознания. Те представления христианской нравственности, которые были усвоены Федором Силиным и Федором Бесприютным в детстве и ранней молодости непроизвольно при-

обретают для них осознанный, личностный смысл. Это происходит после совершаемого обоими персонажами непреднамеренного убийства.

По мысли Короленко, нравственное начало пробуждается в человеке в минуты сложных испытаний, ставящих его перед выбором: "из <...> мертвой точки должно вывести человека некоторое движущее начало, которое точкой опоры избирает <...> нечто, находящееся вне и выше (курс. Короленко) сталкивающихся личных импульсов. Это-то и есть зерно, сущность нравственного чувства. <...> Но роль нравственного начала, его настоящее проявление именно там, где есть колебание на распустьях жизни".¹² После совершенного против воли убийства Федор Бесприютный открывает для себя не только этический смысл поведения (христианское сострадание и практическая помощь всем окружающим), но и начинает думать. Это практически единственный народный персонаж Короленко, который действительно стоит у истоков мысли. Ему удается обнаружить противоречие между двумя комплексами представлений, существующими в коллективном народном сознании параллельно. Оба устойчивых комплекса связаны с религиозной картиной мира. Один из них опирается на представление о том, что жизнь человека подвластна богу и изначально предопределена ("каждый человек на линию поставлен"), следовательно, на долю человека остается лишь смирение. Другой же комплекс представлений подразумевает необходимость ответственности человека перед богом после смерти: "Каждый человек поставлен на линию <...> вот что. Как мне теперь понимать, за что отвечать человеку?" (1, 326).

Федор, убивший старика, замечает здесь противоречие и, пытаясь его разрешить, претерпевает существенную нравственную эволюцию: становится человеком, глубоко сочувствующим, страдающим другим. Эту нравственную высоту Федора окружающие воспринимают как некоторое высшее знание: "И каждое слово человека, глядевшего этим спокойным, сдержанным, значащим взглядом, приобретало в глазах толпы особенную авторитетность <...> в каждом его слове слышалось нечто большее обыкновенного смысла этого слова" (1, 315).

Короленко считает, что путь к мысли у людей из народа возможен только через пробуждение, актуализацию нравственного начала. Здесь Короленко близок Достоев-

скому в интерпретации народного сознания. Во-первых, Достоевский, как и Короленко, считал, что "свет истины", нравственное начало, скрывается в подсознании:

Во-вторых, с точки зрения Достоевского, после актуализации нравственного начала в сознании начинает развиваться и мысль (Макар Долгорукий в романе "Подросток", его интерес к наукам, особенно к астрономии). Однако для Достоевского развитие народной мысли не имеет первостепенного значения. Для Короленко же этот вопрос необыкновенно важен и имеет два аспекта: общекультурный и политический. Первый аспект предполагает, что народное сознание, как и сознание представителя любого социального слоя, должно быть гармоническим: в нем одинаковое развитие должны получить мысли и эмоции, интеллект и нравственность, сознание и бессознательное, индивидуальный и коллективный опыт. Другой аспект возможного решения этой проблемы более узок и касается развития народной мысли в связи с эволюцией политической культуры в России.

В образе Федора Бесприютного как раз и намечены все эти возможности. Поэтому среди всех народных персонажей Короленко Федор Бесприютный обладает, пожалуй, наиболее высокой ценностной характеристикой. Вместе с тем, пробуждение нравственного начала, наполнение его личностным смыслом в результате перенесенных испытаний происходит и в Федоре Силине, герое рассказа "Убийца", и в Дарье Ивановне, героине очерка "В пустынных местах".

В целом, если рассматривать созданные Короленко народные характеры на фоне литературной традиции, то можно прийти к следующим предварительным выводам:

1. Пристальное внимание к народным персонажам и высокая оценка функции нравственного начала в народном сознании сближает Короленко с народнической традицией. Однако эта же особенность связывает его творчество с концепциями народа у Достоевского и Толстого. Толстой, Достоевский и писатели-народники (при всех различиях, которые существуют между ними в понимании народного характера) в истоках своих опирались на славянофильскую концепцию народа и рассматривали народ как некоторую "нерасчленимую субстанцию", исконно заключающую в себе положительное начало.

2. Короленко не рассматривает народное сознание как нерасчленимую "субстанцию". Во-первых, народное сознание оказывается неоднородным уже в синхронном плане: расчленивается на составные элементы, и эти элементы иерархизируются (мысль и нравственное начало). Во-вторых, народное сознание неоднородно и в диахронии. При известных условиях оно способно эволюционировать (пробудившееся нравственное начало актуализирует мысль, коллективный опыт объединяется с индивидуальным и т.д.).

Изображая своих народных героев, Короленко развивает прежде всего тургеневскую традицию обрисовки народных характеров. С Тургеневым Короленко связывает отношение к человеку из народа как выразителю различных, в том числе ценностно противоположных, свойств и качеств (народные герои в "Записках охотника", "Муму", "Поездке в Полесье" и других произведениях Тургенева), а также мысль о проявлении подлинно положительных свойств народного характера в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. об этом: А в е р и н Б. "История моего современника" В. Г. Короленко. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1974. — С. 5. П и л ь д Л. К проблеме эстетической позиции В. Г. Короленко. // Уч. зап. Тарт. ун-та. Блоковский сборник XI. — Тарту, 1990. — Вып. 917.
- 2 П и л ь д Л. К проблеме. . . С. 6—10.
- 3 См. об этом: А в е р и н Б. Социологическая критика Н. К. Михайловского // М и х а й л о в с к и й Н. К. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX—начала XX века. — Л., 1989. — С. 13—14.
- 4 См. об этом: П и л ь д Л. К проблеме. . . — С. 7.
- 5 "История моего современника" не входит в обозначенный в заглавии статьи хронологический период, однако и в последующем творчестве Короленко (1900—1921) представление о народном сознании практически не изменяется.
- 6 "Починовец" — житель деревни Березовские Починки.
- 7 Короленко В. Г. Собр. соч. в 5 тт. — Л., 1991. — Т. 5. — С. 52.

- 8 Короленко В. Г. Собр. соч. в 6 тт. — М., 1971. — Т. 3. — С. 48.
- 9 Там же. — С. 230.
- 10 См. об этом: Пильд Л. Проблемы коммуникации в рассказе В. Г. Короленко "Без языка" // Уч. зап. Тарт. ун-та. — Вып. 882. — Тарту, 1988.
- 11 Короленко В. Г. Собр. соч. в 5 тт. — Т. 2. — С. 133. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в скобках тома и страницы.
- 12 Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 тт. — М., 1956. — Т. 10. — С. 115. Письма.